

УДК 101.1:316+130.2+159.964.2

СУБЛИМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ

К.В. Севастов

Республиканский институт высшей школы,
г. Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 13.08.25

В окончательном варианте: 25.09.25

Аннотация. В статье рассматривается феномен персональной идентичности с точки зрения его отражения в фундаментальной концепции описания внутрисубъектной индивидуальности, а именно – в психоаналитической теории личности, которая на сегодняшний день является связующим звеном между практиками в области психоисследований и философскими изысканиями о субъективном самовосприятии и самоопределении. Описывается хронологическая трансформация представлений о феномене персональной идентичности в соответствии с развитием психоаналитической теории, что в настоящее время весьма актуально, потому как нестабильность современной культуры обуславливает научный поиск по части субъективной самодетерминации к подкреплению со стороны околофилософских систем знаний – фундаментальной культурологии, теоретической социологии, социокультурной антропологии, общей и когнитивной психологии и, разумеется, психоанализа и психоаналитики в той или иной их интерпретации. Цель данной статьи – проследить преобразования представлений о феномене персональной идентичности с точки зрения его экспликации в психоаналитической теории личности. Сформулированная цель предопределила методы исследования, среди которых метод теоретической реконструкции и метод системного анализа, позволяющий всесторонне и комплексно рассмотреть феномен персональной идентичности в его психоаналитическом контексте. Акцент делается на таких психоаналитических понятиях, как троичная психическая система Зигмунда Фрейда, которая делит личность на три ключевых компонента: Оно, Я и Сверх-Я; коллективное бессознательное и архетипический конструкт Карла Густава Юнга, предполагающие наличие у субъекта универсальных образов и мотивов, влияющих на индивидуальное восприятие идентичности; творческие акты Николая Александровича Бердяева, которые являются важнейшим проявлением индивидуальности и открывают новые горизонты для понимания идентичности, подчеркивая важность субъективного опыта и внутренней свободы; стадия зеркала Жака Лакана, иллюстрирующая то, как субъективное взаимодействие с Другим формирует представление о себе; смерть матери Андре Грина, которая символизирует радикальное изменение в восприятии идентичности на глубоком эмоциональном уровне. Доказывается, что кризис персональной идентификации субъекта получил обоснование и подтвердил логичность своего существования в следующих за модернистскими представлениями о субъектности культуре постмодерна и философии постмодернизма.

Ключевые слова: психоаналитическая теория личности, психоанализ, идентификация, идентичность, субъект, коллективное бессознательное, архетипический конструкт, творческие акты, стадия зеркала, смерть матери, Другой, постмодернизм.

SUBLIMATION OF IDENTITY IN THE CONTEXT OF PSYCHOANALYTIC THEORY OF PERSONALITY

K.V. Sevastov

National Institute for Higher Education,
Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 13.08.25

Revision submitted: 25.09.25

Abstract. The article discusses the phenomenon of personal identity from the point of view of its reflection in the fundamental concept of describing intra-subjective individuality, namely, in the psychoanalytic theory of personality, the degree of development of which today is the link between practices in the field of psychoresearch and philosophical research on subjective self-perception and self-determination. The author of the article describes the chronological transformation of ideas about the phenomenon of personal identity in accordance with the development of psychoanalytic theory, which is currently a very pressing issue, because the instability of modern culture encourages scientific research in terms of subjective self-determination to be reinforced by near-philosophical knowledge systems – fundamental cultural studies, theoretical sociology, socio-cultural anthropology, general and cognitive psychology and, of course, psychoanalysis and psychoanalytic practice in one or another of their interpretations. The purpose of this article is to trace the theoretical transformations in the ideas about the phenomenon of personal identity from the point of view of its explication in the psychoanalytic theory of personality. The formulated goal predetermined the research methods, among which are the method of theoretical reconstruction, the result of which is a retrospective reproduction of the logic of psychoanalytic research in the field of self-determination of the subject, and the method of system analysis, which allows for a comprehensive and complex consideration of the phenomenon of personal identity in its psychoanalytic context. The presented work focuses on such psychoanalytic concepts as Sigmund Freud's triune psychic system, which divides the personality into three key components: the Id, the Ego, and the Superego; Carl Gustav Jung's collective unconscious and archetypal construct, which suggest that the subject has universal images and motives that influence the individual perception of identity; Nikolai A. Berdyaev's creative acts, which are the most important manifestation of individuality and open new horizons for understanding identity, emphasizing the importance of subjective experience and inner freedom; Jacques Lacan's mirror stage, which illustrates how subjective interaction with the Other shapes the idea of oneself; Andre Green's dead mother, which symbolizes a radical change in the perception of identity on a deep emotional level. It is proved that the crisis of personal identification of the subject has a validity and consistent logic of its existence in the next to modernist ideas about subjectivity – postmodern culture and postmodern philosophy.

Keywords: psychoanalytic theory of personality, psychoanalysis, identification, identity, subject, collective unconscious, archetypal construct, creative acts, mirror stage, the dead mother, the Other, postmodernism.

Проблема персонального самоопределения является ключевой на всех уровнях философского знания, и современность – не исключение. Тем не менее переломным моментом по праву можно считать зарождение и развитие психоаналитических идей.

Философский ракурс рассмотрения феномена персональной идентичности был бы неполным без опоры на психоаналитическую теорию личности, которая своим возникновением предопределила целое направление в исследованиях идентификационных процессов.

В конце XIX – начале XX вв. для исследования и описания личностной концептуальности возникает принципиально новый метод – психоанализ, который основывается в первую очередь на бессознательном и иррациональном свойствах ментального существования человека. И в этом контексте психоанализ оказывает абсолютно противоположное действие на рассуждения, об идентичности в том числе, потому как помимо внешней причины исследуется и внутренняя, зачастую подкрепленная психиатрическими и в целом медицинскими практиками.

И все же для начала важно отметить, что 1890-е годы – десятилетие, которому обязан психоанализ своим возникновением – период достаточной стабильности в Европе, а также время развития науки, техники, литературы и спорта. К слову, в Западной Европе этот период именовался *Прекрасной эпохой*.

Стоит уточнить, что последние десятилетия XIX века – период, который характеризуется колоссальным количеством научных открытий, полностью изменивших привычную картину мира. Среди самых значимых событий следует выделить такие, как:

– *теория относительности* А. Эйнштейна, которая произвела революцию в научном мире, потому как отныне научное представление о пространстве и времени переходит на новый уровень и, что примечательно, ее невозможно представить в виде графика – она рассматривается исключительно в воображении;

– *периодическая система элементов* Д.И. Менделеева, которая включала в себя не только структурную корреляцию между атомным весом элементов и их химическими свойствами, – благодаря таблице становится возможным предугадать открытие новых, никем не изученных элементов;

– *основание Л. Пастером микробиологии*, которая изучает патогенные микрорганизмы и вырабатывает способы борьбы с болезнетворными бактериями и вирусами;

– *открытие рентгеновских лучей* В. Рентгеном, которое кардинально изменило как медицину, так и представления о технике и ее возможностях;

– *открытие свойств радиоактивности* некоторых химических элементов П. Кюри и М. Склодовской-Кюри;

– *теория эволюции видов путем естественного отбора* Ч. Дарвина, которая не только изменила существующую картину мира, но и в целом привела к серьезному конфликту между наукой и религией;

– *создание парового двигателя* и, как следствие, резкий скачок в развитии машиностроения;

– *изобретение электрической лампочки* Т. Эдисоном не только позволило заменить газовое освещение на электрическое, но и положило начало всеобщей электрификации;

– *создание братьями Люмьер кинематографа*, который стал не только средством развлечения, но и полноценным видом искусства.

Тем не менее можно предположить, что ввиду отсутствия в тот период проблем глобального масштаба (политическая нестабильность, экономический кризис, восстания, война и т. п.) вектор некоего общечеловеческого изыскания и научного проблематирования сместился с общесоциального на субъектный уровень, а та самая проблематизация стала более узконаправленной, индивидуализированной. Произошло некоторое перераспределение от общего к частному. И, возможно, именно благодаря этому психоаналитическая теория личности (и весь психоанализ в целом) обрела такую популярность в регионе, где не нужно было преодолевать экономический кризис, побеждать в войне или искать лекарство от эпидемии. В связи с этим можно утверждать, что в указанный период проблематизация личностной идентичности обусловлена исторической стабильностью.

Зигмунд Фрейд. Безусловно, данное рассуждение об индивидуально-личностных характеристиках субъекта с точки зрения психоанализа следует начать с концепции, предложенной З. Фрейдом [1; 2] – родоначальником всей психоаналитической теории.

З. Фрейд, углубившись в исследование скрытых личностных слоев и уровней, систем и подсистем, провозглашает революционную троичную психическую систему, которая включает в себя следующие элементы: *Оно*, *Я* и *Сверх-Я*.

Оно, по З. Фрейду, – своего рода резервуар идиопатических влечений. Гиперактивная и онтогенетически первичная, в каком-то смысле первозданная, структура личности. *Оно* существует, руководствуясь лишь удовольствием, и не участвует в интерпретации стороннего как такового.

Сверх-Я – считал З. Фрейд – это отражение действительности в психике индивида, поле для индивидуальных ментальных установок, норм социального поведения и существования в целом, а также табу и религиозных формирований. Основные функции *Сверх-Я*: совесть, эмпирия, поведенческие установки и формирование ценностей, идеалов и мнений.

Основной же функцией *Я*, по З. Фрейду, является симбиоз *Оно* и *Сверх-Я* для образования обязательной связки с миром внешним и окружающей действительностью. Также определяющая функция *Я* – инструмент психологической обороны, при помощи которой статичное и категоричное *Сверх-Я* может быть обмануто, а возмещение потребностей будет реализовано без чувства вины.

В данной троичной системе психики личностный уровень рассеян. Из трех составляющих психологических структур психоаналитической теории только *Я* и, возможно, *Сверх-Я* могли бы представать в виде личностного уровня [3].

Впоследствии со стремительным развитием и обретением популярности психоаналитическая теория (как и любое другое новаторство своего времени) подвергается не только критике, но и трансформации отдельных структурных элементов, пересмотру целых пластов теоретического аппарата, предложенных и отстаиваемых З. Фрейдом.

Слабую сторону фрейдистской концепции личности пересматривают его ученики (К.Г. Юнг [4; 5; 6; 7], А. Адлер [8; 9], О. Ранк [10]), сделав открытия З. Фрейда основой для своих исследований и поводом для модернизации своей психиатрической практики.

Карл Густав Юнг. К.Г. Юнг, как и З. Фрейд, был приверженцем идеи *бессознательного* – той части психического конструкта, которая не контролируется сознанием субъекта. Тем не менее в разработанности проблематики он ушел намного дальше, когда ввел в психоаналитический аппарат понятие *коллективного*

бессознательного, что впоследствии стало неотделимой частью новой, созданной К.Г. Юнгом дисциплины – аналитической психологии. Ее главным открытием стало наличие архетипов – первичных структур, между которыми существует сознание; эти структуры, к слову, напрямую связаны с бессознательным, а их активация аккумулируется в контексте сновидений [4].

Важно отметить, что согласно как З. Фрейду, так и К.Г. Юнгу «человек проявляется в утверждении своего эго, когда в свете <...> бессознательного вырисовывается часть человека, игнорируемая им самим» [11, с. 230].

Так, основная идея психоаналитики К.Г. Юнга заключалась в его «вере в реально существующие архетипические энергии, трансцендентные эго и в момент обладания последним убедительно демонстрирующие истину и силу», в процессе движения энергий, в которых К.Г. Юнг видел «порыв к целостности, понимаемой как уподобление и примирение многих несоединимых и враждующих компонентов личности, порыв, всегда несущий с собой более полное проникновение в мир за пределами индивидуального бытия и приятие этого мира». Этот процесс К.Г. Юнг называет процессом *индивидуации* [12, с. 5–6].

Тем не менее сам психоаналитик не раз отмечал, что именно концепт личного ему не интересен, и, как может показаться на первый взгляд, его *коллективное бессознательное и архетипический конструкт* намеренно противопоставляются «чересчур персоналистическому подходу З. Фрейда» [13, с. 87]. Тем самым К.Г. Юнг акцентировал внимание на том, что *собственно психология личности* «чрезмерно фокусируется на изучении эго и не обладает методологией для интерпретации архетипического материала» [цит. по: 13, с. 87]. О роли личного в психологии К.Г. Юнг говорил: «Личное мне кажется столь иррациональным и неопределенным, что я просто не знаю, что с ним делать. Кажется, что единственный выход – просто им не заниматься» [цит. по: 13, с. 87]. Важно, что в данном заявлении К.Г. Юнг не отрицал важность или тем более существование, *экзистенцию личного*, равно как и не отвергал или клишировал его – он просто не уделял ему должного внимания по причине замещения личного в своей психоаналитической теории другими конструктами психики.

Николай Александрович Бердяев. В вопросе проблематизации личности важно обратить внимание на ключевую проблему экзистенциальной философии – проблему личности. Так, Н.А. Бердяев отмечал: «Проблема личности есть главная проблема экзистенциальной философии. Я говорю “я” раньше, чем сознал себя личностью... Я должен реализовать в себе личность» [цит. по: 13, с. 64]. В то же самое время К.Г. Юнг изучал данную экзистенциальную перспективу феноменов аналитической психологии с точки зрения психологического ракурса рассмотрения [13, с. 64]. Тем не менее, используя психологическую терминологию К.Г. Юнга, Н.А. Бердяев описывает «спиралевидное движение Самости на пути к индивидуации, которая все сильнее удаляется от узких границ эго» [13, с. 66].

Важно, что в итоге Н.А. Бердяев отмечал изначальную целостность личности, акцентируя внимание на том, что «личность не составляется из частей, не есть агрегат, не есть слагаемое, она есть первичная целость. Возрастание личности, реализация личности совсем не означает образования целого из частей, но означает творческие акты личности как целого, ни из чего не выводимого и ни из чего не слагаемого. Образ личности целостный, он целостно присутствует во всех актах личности. Личность имеет единственный, неповторимый образ, Gestalt» [13, с. 78].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие личности обретает полярно разные детерминации: с одной стороны, как *архетипический конструкт психики*, а с другой – как нечто целостное, состоящее из такого же изначально цельного – *творческих актов*.

Жак Лакан. Исследуя концепцию идентичности, нельзя оставить без внимания исследования Ж. Лакана, ошибочно именуемого последователем З. Фрейда в одних кругах (Ж.-А. Миллер [14]), но заслуженно считающегося «человеком, который перечитал Фрейда» – в других (А. Грин [15], Г. Валь [16]).

Действительно, вырабатывая концептуальность своего собственного видения конструкта идентичности, Ж. Лакан поначалу соглашается с З. Фрейдом в отношении утверждения, что сновидения – это своего рода осуществление желания, но затем все-таки проводит разделительную черту, задаваясь вопросом: если сон – это исполнение желания, то это самое желание принадлежит кому? Человеку, его личности или чему-то более глубокому? И все же, снова опираясь на З. Фрейда, констатирует, что «субъект децентрирован в отношениях со своим Я», и очень жестко критикует тех, кто с этим утверждением не согласен [17, с. 113]. Так, продолжая учение З. Фрейда, Ж. Лакан поэтапно находит свой собственный путь в сложной структуре психоанализа, постепенно утверждаясь в принципиальности своего профессионального убеждения: отношения между Я и самим субъектом – конфронтационны.

Важно отметить, что так называемая *перечитываемость* З. Фрейда Ж. Лаканом – не что иное, как ответы на поставленные З. Фрейдом вопросы, которые, по мнению большинства постфрейдистов, остались без ответа. Как, например, основополагающая проблематизация концепта Я, с которым человек не рождается, но которое потом непременно возникнет. Эту самую временную пустоту в виде процесса приобретения человеком Я и пытается объяснить Ж. Лакан. И революционной концепцией оказалась именно *стадия зеркала*, которую изначально сам психоаналитик объясняет исключительно как стадию взросления ребенка, впоследствии определяя ее не как просто период в жизни ребенка, а как конструкт субъективности или парадигму Воображаемого.

Так, Ж. Лакан утверждал, что оппозиция ребенка зеркалу является самостоятельной стадией в развитии ребенка, продолжающейся в среднем от полугода до полутора лет, которая сменяет предыдущую стадию развития – стадию отлучения ребенка от груди. Через образ, отражаемый в зеркале, ребенок переживает себя как единое целое, «согласованное и поддающееся контролю» [18, с. 64–65], пусть и мнимому по факту, но стабильному для ребенка.

Важно, что Ж. Лакан, описывая *стадию зеркала*, акцентирует внимание на том, что человек рождается преждевременно. В том смысле, что после своего рождения он неспособен выжить без сторонней помощи. В данном случае – помощи матери. Исходя из этого *стадия зеркала* – «это этап развития ребенка, который наступает после стадии отлучения от груди, когда ребенок, с одной стороны, выходит из симбиотических отношений с матерью и начинает медленно обретать самостоятельность. Но, с другой стороны, обрести эту самостоятельность он еще до конца не может <...> потому, что у него нет целостного образа себя, целостного представления о себе, способности себя контролировать, способности к скоординированным действиям, необходимым для самостоятельной добычи пищи, самостоятельного выживания» [18, с. 68–69].

Визуальная тождественность, получаемая от зеркального изображения, гарантирует ребенку иллюзорную или даже фантомную цельность эмпирии фрагментированного реального. А именно: ребенок визуализирует свой образ цельным, но, что немаловажно, ввиду неспособности ребенка к полной и убедительной координации движений воспринимается этот образ исключительно фрагментарно.

Тем не менее Ж. Лакан считает, что такого рода контрастность анализируется ребенком как состязание с собственным отражением, потому как единство образа подвержено угрозе разрушения. Из этого следует, что *стадия зеркала* предопределяет враждебный накал между субъектом и образом, при этом первый во избежание агрессивного напряжения инициирует процесс идентификации себя с образом. В данной начальной стадии процесса идентификации и структурируется Я. При этом Ж. Лакан уточняет, что *стадия зеркала* выявляет Я как исход в виде недоразумения (ложное опознавание), а соответственно как раз на этой стадии и происходит символичный отказ субъекта от самого себя и закрепляется иллюзорный порядок [19].

Немаловажно, что в данной ситуации ребенок «отождествляется с образом вне себя, неважно, является ли это реальным зеркальным образом или же просто образом другого ребенка» [18, с. 69]. И тут формируется один из важнейших тезисов Ж. Лакана: Я – это Другой. А именно: «зеркальный образ, с которым субъект сталкивается, который его захватывает, с которым он отождествляется, который он помещает внутрь себя, который становится <...> его идеальным Я, фундаментом, на котором может возникнуть его собственное Я, – это не то, что изначально находилось внутри субъекта. Это <...> возникло где-то вовне, <...> в зеркале, а затем было помещено субъектом внутрь. И дальше субъект уже отождествил себя с этим изначально внешним объектом. То, что было вовне, оказалось внутри» [18, с. 70].

Анализируя концептуальность психоаналитической теории Ж. Лакана, можно сделать вывод о том, что изначальная такая согласованность с концепцией З. Фрейда относительно структуры человеческого Я с развитием теоретического аппарата Ж. Лакана достаточно сильно дифференцируется. Тем не менее Ж. Лакан дал ответ на вопрос, поставленный З. Фрейдом, но оставленный им без ответа.

В системе же развития психоаналитической теории личности в целом данное смещение вектора не следует рассматривать как оспариваемость всей Я-концепции; это лишь указывает на то, что вся психоаналитическая теория личности развивалась, а, как известно, прирост знания в определенной области возможен лишь тогда, когда существует мнений больше, чем одно.

Андре Грин. В контексте ментальной сепарации ребенка и матери, которую в психоаналитической теории личности наглядно демонстрирует *стадия зеркала* Ж. Лакана, важно отметить, что происходит своего рода отделение именно ребенка от матери. Но что же происходит, если ситуация становится противоположной? В данном случае психоанализ предлагает достаточно сложную концепцию *мертвой матери*, или *синдром смерти матери*, которую описал А. Грин [15].

Для начала важно уточнить, что в психоаналитической теории личности синдром *смерти матери* не несет в себе буквальные переживания ребенка и их последствия от физической потери матери. В данном случае А. Грин затрагивает те аспекты материнского поведения, которые формируются, например, вследствие депрессии, и как все это отражается на восприятии ребенка.

Интересно, что до А. Грина уже было достаточно сказано о «шизофреногенной или невротичной матери», но вот о «мертвой психически» трудов практически не существовало [17, с. 217].

Смерть матери заключается в следующем.

А. Грин, описывая синдром, определяет: в результате определенных обстоятельств ребенок замечает, что вместо хорошо ему знакомой, связанной с ним mentality матери присутствует кто-то совершенно ему незнакомый – отстраненный, безразличный и в целом совершенно чужой [15; 17, с. 218].

Так, А. Грин пишет: «Мертвая мать здесь <...>, вопреки тому, что можно было бы ожидать, – это мать, которая остается в живых; но в глазах маленького ребенка <...> она мертва психически», а затем отмечает, что «трансформация психической жизни ребенка в момент резкой дезинвестиции его матерью при [ее] внезапном горе переживается им как катастрофа. Ничто ведь не предвещало, чтобы любовь была утрачена так враз» [цит. по: 17, с. 218].

И здесь, по словам А. Грина, происходит достаточно интересная ситуация (важно, что в данном контексте ребенок выступает в роли субъекта, а мать – объекта). Будучи дезориентированным в данных обстоятельствах, ребенок будет пытаться вернуть былое расположение матери, а точнее – как это определял сам А. Грин – вернуться к матери (речь, вероятно, идет о комплексе вины ребенка). И далее ввиду невозможности исправить ситуацию Я ребенка будет вынуждено обратиться к своим собственным защитным механизмам для преодоления травмирующей ситуации и вывода ребенка из нее [15; 17, с. 218–219].

Защитный механизм № 1. Отзеркаливание

«Дезинвестиция материнского объекта и несознательная идентификация с мертвой матерью <...> является психическим убийством объекта без ненависти» – здесь А. Грин пишет о том, что для преодоления ребенком чувства потери ему ничего не остается, кроме как проидентифицировать себя, другими словами – *отзеркаливать*, с матерью, а точнее – с ее состоянием. Вероятно, для того чтобы всего лишь вызвать тем самым ответную реакцию со стороны матери-объекта [15; 17, с. 218–219].

Защитный механизм № 2. Потеря смысла

«Вообразив выворачивание ситуации субъектом, который <...> приписывает себе ответственность за перемену, остается непроходимая пропасть между проступком, в совершении которого субъект мог бы себя упрекнуть, и интенсивностью материнской реакции. <...> Проступок сей связан с его образом бытия; действительно, отныне ему запрещено быть». Здесь А. Грин отмечает, что *мертвая мать-объект* «увлекает Я за собой – к пустынной смертоносной вселенной», а сам механизм, хоть и оправдан лишь своим наличием, попросту нерезультивативен [15; 17, с. 218–219].

Важно, что своей концепцией *мертвой матери* А. Грин в какой-то мере продолжает проблематику, которую в свое время сформулировал З. Фрейд (например, о важности аффективных переживаний), но одновременно с тем противопоставляет себя всей ветви французского психоанализа – и Ж. Лакану в первую очередь [17, с. 218–219].

Можно предположить, что основание упомянутого концептуального противостояния заключается в том, что *стадия зеркала* Ж. Лакана попросту несостоятельна, а точнее – нелогична внутри матрицы концептуального аппарата А. Грина, потому как своего рода отлучение происходит не со стороны ребенка, а со стороны

матери. Безусловно, синдром *смерти матери* контекстуален, а это в свою очередь указывает и на контекстуальность *стадии зеркала*.

Таким образом, исходя из первичной концепции об изначальной нецелостности личности, предложенной З. Фрейдом, а также на примере процесса индивидуации с точки зрения К.Г. Юнга (*архетипический конструкт*) и Н.А. Бердяева (*творческие акты*), *стадии зеркала* Ж. Лакана и синдрома *смерти матери* А. Грина можно сделать вывод о том, что со стороны психоаналитических обоснований личность как таковая изначально является собирательной и в некотором роде приобретаемой особенностью человека.

Важно отметить тот факт, что изначальная диффузность личности с точки зрения психоанализа в состоянии срезонировать с последующим идентификационным кризисом, свойственным именно для постмодернистской философии.

В подтверждение скажем, что в психоаналитической теории «растущее разнообразие категорий для описания личности, *субъект которой отсутствует*, контрастирует с непостижимостью, бесчувствием, равнодушием <...>, которые всегда вызывали удивление, растерянность и тревогу» [20, с. 233]. Это подкрепляется достаточно строгим афоризмом Ж. Лакана, освобождающим человека от объективирующей перспективы: «С нашей позиции субъекта мы всегда несем ответственность» [цит. по: 20, с. 246].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что следующий за психоаналитической революцией в эпоху модерна идентификационный кризис личности получил обоснование и подтвердил последовательную логичность своего существования в философии постмодернизма. Единство личности берет истоки в первоначально диффузном состоянии психики, а поскольку именно для постмодернизма характерна декомпозиция личностного единства и дробность организованной целостности ставится под вопрос, естественность распада не вызывает сомнений.

Список литературы

1. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд; пер. с нем. Г. Барышниковой. – Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2020. – 448 с. – ISBN 978-5-389-13277-1.
2. Фрейд, З. Психоаналитические этюды / З. Фрейд; пер. с нем.; сост.: Д.И. Донской, В.Ф. Круглянский. – Минск: Попурри, 2015. – 736 с. – ISBN 978-985-15-0152-2.
3. Корчмарюк, В.А. Психоаналитическое рассмотрение теории личности / В.А. Корчмарюк // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2007. – № 3. – С. 165–169.
4. Юнг, К.-Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К.-Г. Юнг; пер. с нем. А.А. Чечиной. – Москва: АСТ, 2019. – 496 с. – ISBN 978-5-17-108753-1.
5. Юнг, К.-Г. Психология переноса. Интерпретация на основе алхимических изображений / К.-Г. Юнг; пер. с нем. – Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. – 298 с. – ISBN 978-5-906891-64-8.
6. Юнг, К.-Г. Сознание и бессознательное / К.-Г. Юнг; пер. с нем. В. Бакусева. – Изд. 2-е. – Москва: Академический проект, 2009. – 188 с. – ISBN 978-5-8291-1130-4.
7. Юнг, К.-Г. Эон: исследования о символике самости / К.-Г. Юнг; пер. с нем. В. Бакусева. – Москва: Академический проект, 2009. – 340 с. – ISBN 978-5-8291-1128-1.
8. Адлер, А. Очерки по индивидуальной психологии / А. Адлер; пер. с нем. А.М. Боковикова. – Москва: Когито-Центр, 2002. – 220 с. – ISBN 5-89353-050-0.

9. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер; пер. с нем. – Москва: Академический проект, 1997. – 256 с. – ISBN 5-7331-0107-5.
10. Ранк, О. Травма рождения и ее значение для психоанализа / О. Ранк; пер. с нем. Е.Н. Баканова. – Москва: Когито-Центр, 2009. – 239 с. – ISBN 978-5-89353-286-9.
11. Блюм, Дж. Психоаналитические теории личности / Дж. Блюм; пер. с англ. и вступ. ст. А.Б. Хавина. – Москва: КСП, 1996. – 247 с. – ISBN 5-88694-030-8.
12. Даурли, Д. Болезнь по имени Человек: юнгианский подход к христианству / Д. Даурли; пер. с англ. В. Зеленского. – Москва: Городец, 2017. – 120 с. – ISBN 978-5-906815-64-4.
13. Николаус, Г. К.-Г. Юнг и Н. Бердяев: индивидуация и личность. Критическое сравнение / Г. Николаус; пер. с англ. В. Фролова. – Москва: Городец, 2017. – 288 с. – ISBN 978-5-906815-07-1.
14. Миллер, Ж.-А. Введение в клинику лакановского психоанализа. Девять испанских лекций / Ж.-А. Миллер; пер. с исп. Н. Муравьева. – Москва: Логос: Гнозис, 2017. – 184 с. – ISBN 978-59934-8559-5-5.
15. Green, A. The dead mother / A. Green; ed. G. Kohon. – London: Routledge, 1999. – 248 p.
16. Валь, Г. Теория нарциссизма / Г. Валь // Ключевые понятия психоанализа / Пер. с нем. С.С. Панкова; под ред. В. Мертенса. – Санкт-Петербург: Б&К, 2001. – Гл. 9. – С. 85–92. – ISBN 5-93414-052-3.
17. Лобачев, Д.В. История французского психоанализа в лицах / Д.В. Лобачев. – Москва: Городец, 2021. – 272 с. – ISBN 978-5-907358-26-3.
18. Узланер, Д. Жак Лакан: введение / Д. Узланер. – Москва: РИПОЛ классик, 2022. – 288 с. – ISBN 978-5-386-14508-8.
19. Лакан, Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинар 1954–1955 / Ж. Лакан; пер. с фр. А. Черноглазова. – Москва: Гнозис: Логос, 2009. – 520 с. – ISBN 5-8163-007-5.
20. Бъяджи-Чай, Ф. Случай Ландрю в свете психоанализа / Ф. Бъяджи-Чай; пер. с фр. Е. Шкадаревич. – Москва: Городец, 2018. – 272 с. – ISBN 978-5-906815-11-8.

References

1. Freud Z. Introduction to Psychoanalysis. Transl. from German G. Baryshnikova. St. Petersburg: ABC: ABC-Atticus, 2020. 448 p. ISBN 978-5-389-13277-1 (In Russ.).
2. Freud Z. Psychoanalytic Studies. Transl. from German; comp. D.I. Donskoy, V.E. Kruglyansky. Minsk: Potpourri, 2015. 736 p. ISBN 978-985-15-0152-2 (In Russ.).
3. Korchmaruk V.A. Psychoanalytic consideration of the theory of personality. *Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2007;3:165-169 (In Russ.).
4. Jung K.-G. Archetypes and the collective unconscious. Transl. from German A.A. Chechina. Moscow: AST, 2019. 496 p. ISBN 978-5-17-108753-1 (In Russ.).
5. Jung K.-G. Transfer psychology. Alchemical interpretation. Transl. from German. Moscow: Refl-book; Kyiv: Wackler, 1997. 298 p. ISBN 978-5-906891-64-8 (In Russ.).
6. Jung K.-G. Consciousness and the Unconscious. Transl. from German V. Bakusev. Ed. 2nd. Moscow: Academic project, 2009. 188 p. ISBN 978-5-8291-1130-4 (In Russ.).
7. Jung K.-G. Eon: studies on the symbolism of the self. Transl. from German V. Bakusev. Moscow: Academic project, 2009. 340 p. ISBN 978-5-8291-1128-1 (In Russ.).
8. Adler A. Essays in Individual Psychology. Transl. from German A.M. Bokovikov. Moscow: Kogito-Center, 2002. 220 p. ISBN 5-89353-050-0 (In Russ.).

9. Adler A. Understand the nature of man. Transl. from German. Moscow: Academic project, 1997. 256 p. ISBN 5-7331-0107-5 (In Russ.).
10. Rank O. Birth trauma and its implications for psychoanalysis. Transl. from German E.N. Bakanov. Moscow: Kogito-Center, 2009. 239 p. ISBN 978-5-89353-286-9 (In Russ.).
11. Blum J. Psychoanalytic Theories of Personality. Transl. from English A.B. Khavin. Moscow: KSP, 1996. 247 p. ISBN 5-88694-030-8 (In Russ.).
12. Daurley D. A disease named Man: Jungian approach to Christianity. Transl. from English V. Zelensky. Moscow: Gorodets, 2017. 120 p. ISBN 978-5-906815-64-4 (In Russ.).
13. Nikolaus G. K.-G. Jung and N. Berdyayev: individuation and personality. Critical comparison. Transl. from English V. Frolov. Moscow: Gorodets, 2017. 288 p. ISBN 978-5-906815-07-1 (In Russ.).
14. Miller J.-A. Introduction to Lacanian psychoanalysis clinic. Nine Spanish Lectures. Transl. from Spanish N. Muravyov. Moscow: Logos: Gnosis, 2017. 184 p. ISBN 978-59934-8559-5-5 (In Russ.).
15. Green A. The dead mother. Ed. by G. Kohon. London: Routledge, 1999. 248 p. (In Eng.).
16. Val G. Theory of narcissism. *Key concepts of psychoanalysis*. Transl. from German S.S. Pankov; ed. by V. Mertens. St. Petersburg: B&K, 2001. Ch. 9. Pp. 85–92. ISBN 5-93414-052-3 (In Russ.).
17. Lobachev D.V. History of French psychoanalysis in persons. Moscow: Gorodets, 2021. 272 p. ISBN 978-5-907358-26-3 (In Russ.).
18. Uzlaner D. Jacques Lacan: Introduction. Moscow: RIPOL classic, 2022. 288 p. ISBN 978-5-386-14508-8 (In Russ.).
19. Lacan J. "I" in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis. Seminar 1954–1955. Transl. from French A. Chernoglazov. Moscow: Gnosis: Logos, 2009. 520 p. ISBN 5-8163-007-5 (In Russ.).
20. Biaggi-Chai F. Landrew case in the light of psychoanalysis. Transl. from French E. Shkadarevich. Moscow: Gorodets, 2018. 272 p. ISBN 978-5-906815-11-8 (In Russ.).

Информация об авторе

СЕВАСТОВ Кирилл Валерьевич – кандидат философских наук, магистр искусствоведения, доцент кафедры управления и экономики высшей школы ГУО «Республиканский институт высшей школы», г. Минск, Республика Беларусь. **E-mail:** kirillsevastov@gmail.com

Information about the author

SEVASTOV Kirill V. – Candidate of Philosophical Sciences, Master of Art Criticism, Associate Professor of the Department of Management and Economics of Higher Education, National Institute for Higher Education, Minsk, Republic of Belarus. **E-mail:** kirillsevastov@gmail.com